

С.А. ЕСЕНИН В ЧЕХИИ

© 2025 г. А.В. Амелина

Аннотация: В статье представлен обзор рецепции С.А. Есенина в Чехии с 1920-х гг. по настоящее время. В рамках исследования русско-чешских литературных связей восприятие Есенина изучали по следующим аспектам: историко-литературные причины его исключительной популярности в Чехии в течение всего XX в., поэтика переводов его поэзии на чешский язык в разные эпохи, влияние Есенина на чешскую поэзию и эффект «есенинщины» в чешской среде. В статье также рассмотрены история переводов и публикаций поэзии Есенина в Чехии — количество ее томов на данный момент превышает четыре десятка, а также переводческие подходы в разные эпохи, особенности которых были обусловлены спецификой развития чешского литературного языка и сменой культурных и идеологических парадигм. Кроме того, описано влияние Есенина на главных его переводчиков и одновременно крупнейших чешских поэтов XX в. — Й. Гору и Я. Забрану и сделан обзор художественных произведений, в которых русский поэт выступает вдохновителем и героем (например, стихотворение Й. Каинара «Есенин» (1953), роман И. Навратила «Голубой вечер» (2000), проза Б. Грабала). Завершает статью панорама рецепции Есенина литературной критикой (преимущественно в периодике) с 1920-х гг. по сегодняшний день.

Ключевые слова: С.А. Есенин, русско-чешские литературные связи, чешская периодика XX в., чешская поэзия, Йозеф Гора, Ян Забрана, чешская литература XX в.

Информация об авторе: Анна Вячеславовна Амелина — научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 34А, 119334 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2700-1076>

E-mail: a.amelina@inslav.ru

Для цитирования: Амелина А.В. С.А. Есенин в Чехии // Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры / науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2025. С. 629–649. — <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-629-649>

S.A. ESENIN IN CZECHIA

© 2025. Anna V. Amelina

Abstract: The article presents an overview of the reception of S.A. Esenin in the Czechia from the 1920s to the present day. As a part of the study of Russian-Czech literary ties, the perception of Esenin was studied from the following aspects: the historical and literary reasons for his exceptional popularity in Czechia throughout the 20th century, the poetics of translations of his poetry into Czech in different eras, Esenin's influence on Czech poetry and the effect of "Eseninism" in the Czech environment. The article also examines the history of translations and publications of Esenin's poetry in Czechia — the number of its volumes currently exceeds forty

items, as well as translation approaches in different eras, the features of which were conditioned by the specifics of the development of the Czech literary language and the change of cultural and ideological paradigms. In addition, Esenin's influence on his main translators and, at the same time, the greatest Czech poets of the 20th century is described — J. Hora and J. Zábrana, and a review of works of art in which the Russian poet acts as an inspiration and a hero (for example, the poem by J. Kainar "Esenin" (1953), the novel by J. Navrátil "Blue Evening" (2000), the prose by B. Hrabal) is made. The article concludes with a panorama of the reception of Esenin by literary criticism (mainly in periodicals) from the 1920s to the present day.

Keywords: S.A. Esenin, Russian-Czech literary connections, Czech periodicals of the 20th century, Czech poetry, Josef Hora, Jan Zábrana, Czech literature of the 20th century.

Information about the author: Anna V. Amelina, Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32A, 119334 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2700-1076>

E-mail: a.amelina@inslav.ru

For citation: Amelina, A.V. "S.A. Esenin in Czechia." *Sergey Esenin in the Context of Russian and World Culture*: Acad. and ex. ed. Natalia I. Shubnikova-Guseva. Moscow, IWL RAS Publ.; Konstantinovo, The State Museum Reserve of S.A. Esenin, Publ., 2025, pp. 629–649. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0824-0-629-649>

Судьба С.А. Есенина в Чехии была, несомненно, исключительной. Едва ли найдется другой русский поэт, snискавший в XX в. такое признание у чешской читательской аудитории. Уже в 1920-е гг. в ЧСР вышли две книги переводов Есенина. Его творчество, завоевав интерес читателей, при этом вызвало противоречивые отзывы чешской критики, отражавшей высокую степень политизированности общества той эпохи. С тех пор его произведения не перестают печатать — на данный момент насчитывается более сорока томов чешских переводов, последний из которых был издан в 2022 г. Во второй половине XX в. Есенин уже не нуждался в представлении в Чехии и воспринимался как «свой» — его имя упоминалось без каких-либо пояснений, его поэзия стала частью чешской культуры.

Феномен такой популярности Есенина в чешской среде стал объектом изучения чешского литературоведения, когда после Второй мировой войны исследование связей (в особенности пореволюционного периода) между странами «соцлагеря» стало одним из приоритетных направлений гуманитарных наук как в Чехии, так и в СССР. Наиболее подробный анализ причин включения Есенина в чешскую культуру привел в своих работах чешский компаративист и исследователь творчества поэта Ян Йиша, опубликовавший о нем с 1950 по 1974 г. полтора десятка работ. В своей итоговой статье¹ первоначальное внимание к поэту, связавшему, как утверждает исследователь, несколько поколений чехов, литера-

¹ Jiša J. Jesenin v českém literárním prostředí // *Sergej Jesenin v české literatuře*. Bibliografie do roku 1972 / sest. B. Florianová. Praha: Státní knihovna ČSR; Slovanská knihovna, 1974. S. 1–12.

туровед объясняет интересом чешского общества к новой советской литературе на фоне расцвета чешской пролетарской поэзии. А к 1930-м гг. «на спаде революционной волны во второй половине 1920-х гг., когда чешская поэзия возвращалась с улиц словно к самой себе, Есенин был принят как очень органичная часть отечественного литературного процесса»² (об этом же аспекте пишет и ряд других исследователей в связи с Есениным). Я. Йиша также прослеживает все особенности восприятия Есенина в последующие десятилетия, все перекосы в оценках критиками под влиянием политической конъюнктуры — охлаждение к поэту в 1930-е гг. и в первое послевоенное десятилетие под воздействием советской культурной политики и трактовку поэзии Есенина исключительно как авангардно-имажинистской в «золотые» 1960-е гг.

Одним из важных аспектов восприятия Есенина в Чехии является исключительная политизированность общества в межвоенный период, в это время русская литература нередко выступала средством пропаганды и политической борьбы, поэтому и восприятие отдельных писателей разными политическими лагерями было достаточно предвзятым и односторонним, что приводило в некоторых случаях к противоположным трактовкам творчества — так случилось и с Есениным. В сборнике «Пути к друзьям», одном из целого ряда чешских трудов, посвященном русско-чешским литературным связям, в статье о Есенине впервые отмечается тот факт, что многосторонность его поэзии позволила вызвать к нему интерес как у «буржуазных» критиков, так и у левых³. Более подробно, однако, эта проблема в дальнейшем исследователями не рассматривалась.

Другим аспектом исследований творчества Есенина является поэтика переводов его произведений на чешский язык. Одним из аспектов этой проблемы, особенно касающейся первых изданий Есенина в Чехии, выступает принцип отбора поэзии для перевода. В 1930-е гг. Бедржих Вацлавек, теоретик чешского соцреализма, критиковал принцип выборки переводчицы Марии Марчановой, которая включила в свою книгу преимущественно природную лирику, оставив без внимания поэзию революционной тематики⁴ (в то время как составителей и переводчиков первых двух книг — Йозефа Гору и Богумила Матезиуса — порой, напротив, упрекали в представлении лишь «революционной» поэзии Есенина)⁵. Во второй половине XX в. к проблеме переводов поэзии Есенина обратились

² Jiša J. Jeseňin v českém literárním prostředí. S. 6.

³ Шевцова Н. Творчество С. Есенина в чехословацкой критике 20–30-х гг. // Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и -советских литературных и культурных контактов / ред. Е. Фojtiková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986. С. 238.

⁴ Václavек B. Nové překlady z ruské literatury I // Václavек B. Ruská revoluce a literatura. Praha: Lidové nakladatelství, 1980. S. 168–169.

⁵ fxš. [Šalda F.X.] S. Jeseňin: O Rusku a revoluci // Tvorba. 02.1927. Roč. 2. Č. 2. S. 66–68.

в целом ряде работ, в особенности Я. Йиша, Ольга Улична, Олдржих Рихтерек⁶. Ученые рассматривали в первую очередь аспекты стиля, сравнивая межвоенные и послевоенные переводы и обращая особое внимание на актуализацию чешского языка и приведение переводов к современной норме (отметим, что фактически языковая норма современного чешского языка окончательно сложилась только ко второй половине XX в.).

Еще одним важным аспектом изучения творчества Есенина является его влияние на чешских писателей. В первую очередь это работы, посвященные крупнейшему чешскому поэту межвоенного периода Й. Горе. Переводы Есенина многократно отмечаются как значимое событие его творческой биографии и рассматриваются как фактор его собственного поэтического творчества⁷. Исследуется воздействие Есенина и на Б. Матезиуса, однако не столько на его поэтическое творчество, сколько на работы по истории советской литературы. Помимо этого в исследованиях, с опорой на воспоминания писателей-современников, отмечается влияние Есенина на главную фигуру чешской пролетарской поэзии Иржи Волькера и в целом на чешский литературный авангард, на Франтишека Галаса, Владимира Голана, Франтишека Кубку, на поэтов второй половины века — Вилема Заваду, Ярослава Чейку, Доната Шайнера и др. Писатель Йозеф Рыбак, например, в своих воспоминаниях говорил, что Есенин для него и его соратников был ближе, чем кто либо из русских поэтов, и что есенинскую поэзию они воспринимали как свою программу чувственного восприятия⁸.

Разделение чехословацкого государства и смена политического режима после «бархатной» революции 1989 г. привнесли новые аспекты в исследования творчества Есенина — в первую очередь это влияние «есенинщины» и самоубийства чешских писателей. Особую роль в этой связи Есенин сыграл в судьбе крупнейшего чешского прозаика XX в. — Богумила Грабала, который знал почти все творчество Есенина наизусть (о влиянии русского поэта на Грабала и обстоятельствах смерти последнего писал, в частности, известный чешский литературовед Радко Пытлик)⁹.

Как мы уже отметили, общее количество книг Есенина, вышедших в Чехии, превышает сорок томов. Его поэзия печаталась в чешской периодике уже в начале 1920-х гг., а первые книги вышли только после смерти поэта: сначала сборник стихотворений «О России и революции» («O Rusku a revoluci», 1926), затем поэмы

⁶ См. в первую очередь: Jiša J. Poslední básník ruské vesnice // Praha-Moskva. 02.1956. Č. 2. S. 169–181; Uličná O. Poezie Sereje Jesenina v českých překladech // Sborník 1986 Kruhu přátel českého jazyka / red. J. Pechar. Praha: SdK ROH Melantrich, 1986. S. 107–120; Richterek O. Dialog kultur v uměleckém překladu. Hradec Králové: Mafy a gaudeamus, 1999. S. 80–128.

⁷ См., например: Jiša J. Jesenin a cesta Josefa Hory // Slovesná věda. 01.04.1950. Roč. 3, č. 1. S. 19–25.

⁸ Rybák J. Kouzelný proutek. Praha: Československý spisovatel, 1989. S. 160.

⁹ Pýtlík R. Koridor smrti // Obrysy kmen. 2014. Č. 13. S. 1, 3.

«Иная земля» (“*Jiná země*”, 1927), куда вошли «Инония», «Песнь о великом походе» и «Анна Снегина». Составители и переводчики этих изданий, упомянутые выше Й. Гора и Б. Матезиус (оба — в 1920-е гг. публицисты и поэты левой политической ориентации), выступили и авторами целого ряда критических материалов по творчеству поэта, целью которых было представить Есенина чешской читательской аудитории. Само название первой книги и выбранные для перевода произведения показывают, что авторы стремились включить прежде всего «революционную» поэзию Есенина. Следующая книга (“*Básně*”, 1931 — сборник переводов М. Марчановой, ученицы Матезиуса), где широко представлена ранняя лирика, исправил эту односторонность. Таким образом в межвоенный период Есенин предстал перед чешским читателем сначала как «романтик русской революции»¹⁰, а затем — как «поэт русской природы и русской деревни, достойный последователь Пушкина»¹¹.

В годы Второй мировой войны, когда в условиях цензуры Протектората чехи находили убежище и успокоение в литературном творчестве о природе, национальной истории и фольклоре, лирика Есенина стала особенно актуальной. В 1940 г. под редакцией Матезиуса вышла книга «Голубая Русь» (“*Modravá Rus*”), которая объединила предыдущие переводы и включила новые (однако составителя упрекнули в отсутствии творчества имажинистского периода)¹². Кроме того, в эти годы был издан том поэзии Есенина в новом переводе Иржи Вишки (“*Básně*”, [1941]), который впоследствии был высоко оценен исследователями. После войны было напечатано сразу несколько томов Есенина в переводе М. Марчановой (“*Básně*”, 1946), Й. Горы (“*Jesenin a Pasternak*”, 1947), Б. Матезиуса (“*Píseň o velkém pochodu*”, 1947), а книга «Голубая Русь» (“*Modravá Rus*”, 1947) под редакцией Матезиуса объединила имеющиеся на тот момент переводы межвоенного и военного времени с дополнением новых — молодого переводчика Эмануэля Фринты.

В 1948 г. в чешской истории наступил новый период, в результате правительственного кризиса (так называемого февральского переворота) к власти пришли просоветские политики, после чего государственная система была реформирована по советскому образцу, это касалось и сферы культуры. Вплоть до середины 1950-х гг. под влиянием культурной политики СССР Есенина в Чехии не публиковали и не исследовали. Но уже в 1955 г. (вскоре после смерти Сталина) к 60-й годовщине со дня рождения поэта и одновременно 30-й со дня смерти, вышло собрание поэзии Есенина “*Básně*”. Составитель и автор предисловия Йозеф Румлер поставил целью объединить имеющиеся переводы и

¹⁰ *bhk. Překlady z ruštiny // Země sovětů*. 1931. Roč. 1, č. 3, září. S. 45.

¹¹ *Staněk J. Jesenin, Sergěj Aleksandrovič: Básně // Česká osvěta*. 1931–1932. Roč. 28, č. 6. S. 274.

¹² *us. Sejgej Jesenin: Modravá Rus // Literární noviny*. 1940. Roč. 13, č. 6. S. 143.

дополнить их новыми — авторства Зденьки Бергровой, Яна Забраны, Ладислава Фикара. Стихотворения в книге были расположены подряд, без выделения в циклы, в хронологическом порядке, при этом две трети из них относятся к 1924–1925 гг.

В период «золотых» 1960-х гг. вышли еще два тома поэзии Есенина. Первый из них («*Lyrika*», 1964) был опубликован под редакцией переводчика и крупнейшего чешского поэта второй половины XX в., уже упомянутого Я. Забраны, в книгу вошла преимущественно поэзия из циклов последних пяти лет жизни Есенина¹³. Вторая книга (основой которой стал сборник Матезиуса 1947 г.) от составителя Антонина Броусека («*Modráv Rus*», 1965) представляет прежде всего классические переводы межвоенного периода.

В эпоху «нормализации», в 1970–1980-е гг., список чешских переводов Есенина продолжает пополняться новыми произведениями, в первую очередь, заслугами Я. Забраны, поставившего себе задачей создать единый, стилистически цельный корпус поэзии Есенина на чешском языке, в котором представлены все этапы его творчества, включая имажинистский, с разделением на циклы. В это время его усилиями выходят пять новых книг русского поэта: «Луна из янтаря» («*Luna z jantaru*», 1973), «Рябиновый костер» («*Oheň jeřabin*», 1975), «Соломенный месяц» («*Slaměný měsíc*», 1981), «Рыжая осень» («*Ryšavý podzim*», 1984), «Анна Снегина» («*Anna Sněgina*», 1986). Особого внимания заслуживает собрание «Соломенный месяц» (переизданное затем в 2016 г.), где впервые опубликованы имажинистская поэзия, драмы «Путачев» и «Страна Негодяев»; переводчиками в издании выступили сам Забрана, а также Людек Кубишта, Карел Милота и Иржи Тауфер. Переводы Забраны на данный момент считаются эталонными.

Одновременно с томами Забраны продолжали выходить и ранние переводы Есенина, при этом в сборник «Пусть вся жизнь моя за песню продана» («*Za píseň život jsem vyměnil*», 1979) также вошли неопубликованные ранее переводы З. Бергровой. В эти же годы впервые появляются переводы Вацлава Данека — в томе избранных сочинений «Колокольчики в траве» («*Zvony v trávě*», 1975) и отдельной книгой — «Персидские мотивы» («*Perské lásky*», 1971).

После 1989 г., когда внимание чешских читателей и фокус литературоведческих исследований переносились с русской литературы на западноевропейскую, Есенина продолжали переводить и печатать. После «бархатной» революции вышло уже восемь книг. Это авторские сборники переводов З. Бергровой («Черный человек» / «*Černý nepřítel*», 1989; «Я обманывать себя не стану» / «*Nebudu si lhát*», 1995), которой, по ее свидетельству, не давали издаваться раньше¹⁴, Мирослава

¹³ Импульсом для этого и последующих чешских изданий послужило появление в 1961 г. в СССР пятитомного собрания сочинений Есенина.

¹⁴ *Zábránová M.* „Jesenina dostal Zábrana“? // *Rozhlas*. 25.10.2004. Č. 45. S. 2.

Станека («Анна Снегина. Черный человек» / «Anna Sněgina. Černý muž», 1995), В. Данека («Разбитое зеркало» / «Rozbité zrcadlo», 2007), а также переиздания более ранних переводов Я. Забраны «Плач гармоники» («Nářek harmoniky», 2002)¹⁵ «Соломенный месяц» (2016), Й. Горы («Jesenin a Pasternak», 2017) и М. Марчановой («Básně», 2022). Последние две книги были выпущены Пражской городской библиотекой как электронные издания и выложены в открытый доступ (в случае с Марчановой — с редакторской правкой). Отметим, что особое внимание переводчиков в эти годы привлекала поэма «Черный человек», к ней обратились четыре переводчика (З. Бергрова, К. Милота¹⁶, М. Станек и В. Данек), представив разные варианты ее творческого осмысления, а самым печатаемым произведением Есенина за прошедшие сто лет стала поэма «Анна Снегина», вышедшая отдельными изданиями четыре раза, а в составе сборников — еще девять (в переводах Й. Горы, Л. Кубишты, М. Станека).

Как мы уже отметили, проблема поэтики переводов Есенина на чешский язык стала одной из главных в чешских филологических исследованиях, будучи связанной прежде всего с историей развития и стилистическими особенностями чешского языка, а также с политической конъюнктурой в разные эпохи. Специфика переводов Есенина межвоенного периода заключалась в активном использовании архаизмов и поэтизмов XIX в., что было своеобразной переводческой «модой» того времени. Забрана указывает на многие неточности межвоенных переводов, связанные с тем, что переводчики не всегда понимали русский оригинал и занимались скорее приблизительным переложением, чем переводом в современном его понимании¹⁷, в случае с Горой он отмечал русизмы и излишнее использование русских синтаксических конструкций, считая при этом его переводы самостоятельными поэтическими текстами¹⁸. Йиша также указывал, что Матезиус не соблюдал ритм, заменяя его ассонансами, и в целом давал скорее поэтическую вариацию на тему, а не перевод¹⁹. У Марчановой наблюдается тенденция преодолеть эти недостатки, однако присутствует и стилистическая несоразмерность — излишняя литературность, порой до архаичности, перемешанная с разговорными и народными элементами²⁰. В период Протектората

¹⁵ Отметим, что в этом издании в стихотворении «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» добавлена строфа, которую раньше не публиковали: «Жалко им, что октябрь суровый...».

¹⁶ *Jesenin S. Černý chlap* // *Literární noviny*. 29.06.1995. Č. 26. S. 9.

¹⁷ *Zábrana J. Poznámka k výboru a překladu // Jesenin S. Oheň jeřabin*. Praha: Mladá fronta, 1975. S. 119–122.

¹⁸ *Zábrana J. Básnická povídka o lásce a revoluci // Jesenin S. Anna Sněgina*. Praha: Odeon, 1972. S. 61–64. Об особенностях переводов Й. Горы, в том числе в интерпретации Я. Забраны, см. также: *Rubáš S. České překlady Jesenina a sovětská ideologie* // *Acta Universitatis Carolinae. Philologica*. 2019. Č. 1. S. 37–47.

¹⁹ *Jiřa J. Poslední básník ruské vesnice*. S. 175, 177.

²⁰ *Uličná O. Poezie Sereje Jesenina v českých překladech*. S. 119.

творчество Есенина не избежало цензуры, так, например, в издании «Инонии» 1940 г. убираются богохульные пассажи: вместо «Тело, Христово тело, / Выплываю изо рта» в чешском варианте — “Tělo, Kristovo tělo, / jak se stromu list”, т. е. «Тело, Христово тело, / как с дерева лист» и т. д.²¹

Переводчики второй половины XX в. стремились сделать творчество Есенина лингвистически более современным и доступным новому поколению, эта тенденция была очевидна в сборнике 1955 г. под редакцией Й. Румлера, однако по-настоящему цельной и современной поэзия Есенина была представлена в книгах Забраны. Отмечается, что его переводы изобретательны и учитывают все достоинства оригинала, они не деформируют авторскую поэтику и словно воскресили Есенина для дальнейшей долгой жизни²² — в них нет книжных элементов и добавлено больше разговорных, они точнее и конкретнее²³. Высоко оцениваются также переводы В. Данека, у которого в «Персидских мотивах» верно переданы звукопись, разговорность языка, эмоциональность, гармония, мелодичность²⁴, и З. Бергровой, у которой присутствует простота, свойственная поэтической речи Есенина, мелодичность, плавный ритм²⁵.

Переводы, сделанные после 1989 г., отмечены влиянием смены политической системы. В частности, указывают на идеологизированность нового перевода «Анна Снегиной» М. Станека²⁶. В новых переводах «Черного человека», интерес к которому, как пишет О. Рихтерек, в новую эпоху возник в связи с упрощенной и предвзятой интерпретацией в прошлом, Данек и Милота в рамках «тенденции к употреблению элементов разговорного языка неадекватно подчеркивают “алкогольный” вариант есенинской ночной галлюцинации и обедняют, таким образом, семантическое пространство поэмы», исключая фактор человеческого страдания поэта²⁷. О. Улична также отмечает, что в новых переводах поэмы Станек и Данек используют жаргонизмы и вульгаризмы, изменяя семантическое наполнение поэмы²⁸.

Переводчики Есенина не только успешно знакомили его с чешской аудиторией, актуализировали его поэзию для новых поколений и исследовали

²¹ Pistorius J. Doba a slovesnost. Praha: Triáda, 2007. S. 498.

²² Uličná O. Jesenin v novém českém překladu // Československá rusistika. 1984. Roč. 29, č. 5. S. 210.

²³ Uličná O. Poezie Sereje Jesenina v českých překladech. S. 118.

²⁴ Ibid. S. 114–115.

²⁵ Vinter V. K novému překladu veršů Sergeje Jesenina // Tvar. 15.06.1995. Č. 12. S. 22–23.

²⁶ Vacková J. Když se překlady poezie ideologizují, ztrácejí na hodnotě // Halo noviny. 04.10.1995. S. 8.

²⁷ Рихтерек О. К современной чешской интерпретации эпической поэзии С. Есенина // Alexandr Veselovskij a dnešek. Litteraria humanitas. VI. Brno: Masarykova univerzita, 1998. S. 285.

²⁸ Uličná O. “Černý muž” Sergeje Jesenina v českých překladech // Východoevropská moderna a její evropský kontext I. Praha: Karolinum, 1999. S. 99–106.

его творчество в контексте русско-чешских литературных связей. Многие эти переводчики были поэтами и оставили след в истории чешской литературы.

Гора Йозеф (1891–1945) — крупнейший чешский поэт первой половины XX в., впервые удостоенный звания национального художника (посмертно), публицист и, несомненно, выдающийся переводчик с русского языка (помимо Есенина, переводил А.С. Пушкина («Евгения Онегина»), М.Ю. Лермонтова, Б.Л. Пастернака). Его творчество начала 1920-х гг. («пролетарского этапа») отмечено верой в светлое социалистическое будущее, однако после поездки в СССР в 1925 г. этот образ справедливого общества становится более туманным, а после разрыва с компартией ЧСР, в связи с ее большевизацией в 1929 г., его надежды окончательно рушатся, что вылилось в уход от действительности в его поэзии. Этот перелом в творчестве Горы исследователи связывают, в том числе, с непосредственным влиянием Есенина. Йиша также отмечает, что благодаря Есенину Гора отточил свой стих и что «Есенин, выразивший такой же противоречивый взгляд в “Руси советской”, был Горе, который это стихотворение перевел, особенно близок и дорог»²⁹.

Ян Забрана (1931–1984) — крупнейший чешский поэт второй половины XX в., переводчик, литературный критик и издатель. Его родители пострадали от политических репрессий в 1950-е гг., а после 1968 г. Забрана сам стал нежелательным автором, что не помешало ему в эпоху «нормализации» внести значимый вклад в «золотой фонд» поэзии на чешском языке — создать новый корпус переводов Есенина. Русский поэт со временем стал для Забраны главным объектом исследований и вдохновителем. В одном из своих дневников Забрана пишет: «Я его принимал как лекарство от приближающейся смерти. Лекарство, известное еще с молодости. Лекарство в покинутости, молчаливом отчаянии, отсутствии друзей»³⁰. Порой Забрана вступает с Есениным в прямой диалог: «Проиграл свою жизнь. Потерял свое предназначение. Можно ли жить, если мы потеряли свою жизнь? Нельзя, отвечает Есенин»³¹. В его записях есть и такие строки: «Этот поэт меня создал. Он говорит практически все, что я чувствую, что я бы хотел сказать, причем своим самобытным способом. Стихи Есенина — моя любовь»³².

Первый поэтический сборник Забраны «Въевшиеся в память черные иконы» («Utkvělé černé ikony») вышел в 1965 г., в этих строгих стихах на тему городской среды очевидно влияние Есенина, но непосредственной реминисценцией и по-

²⁹ Jiša J. Poslední básník ruské vesnice. S. 181.

³⁰ Zábрана J. Celý život (1). I. Praha: Torst, 1993. S. 443.

³¹ Ibid. S. 98.

³² Ibid. S. 67.

этической полемикой с ним считается³³ его вторая книга 1968 г. «Страницы из дневника» (*“Stránky z deníku”*) — ностальгия по уходящей жизни, по ее сметенным историям и исчезнувшим навсегда явлениям, например, в стихотворении «Деревня 1955» (*“Vesnice 1955”*):

“Jen přijed’, už je přešla msta!”

«Только приезжай, они уже не станут
мстить!»

Po letech... Jedeš na vesnici
vlakem, jímž jezdí družstevníci
pro motocykly do města.

Спустя годы... Едешь в деревню
На поезде, которым ездят колхозники
За мотоциклами в город.

Opilý strýc řve do čtyř stěn:
“Kdy vstoupím? Já? Je tak dost zmatku!”
A z další láhve táhne zátku...
Spíš do dne. Ráno vyjdeš ven

Пьяный дядя орет в четыре стены:
«Когда вступлю? Я? И так хватает бардака!»
И из очередной бутылки тянет пробку...
Спишь весь день. Утром выйдешь на улицу

a kolem jiná krajina ...
Kluk s píšťalkou se začíná
vychloubat: “Tu mi vyřezal

а вокруг другой пейзаж...
Мальчик с дудочкой начинает
хвалиться: «Ее мне вырезал

Slovák z prvního kravína!”
A neví, že jsi doted’ spal,
Když se tě vyptává: “Už hnal?”³⁴

словак из первого коровника!»
И не знает, что ты все это время спал,
Когда тебя спрашивает: «Уже погнал?»³⁵

Значимое влияние оказал Есенин и на поэтическое творчество других его переводчиков — Богумила Матезиуса (1888–1952), Зденьки Бергровой (1923–2008), Вацлава Данека (род. 1929) и др.

Помимо влияния на чешскую поэзию XX в. следует отметить и феномен непосредственного «присутствия» Есенина в произведениях чешской художественной литературы как вдохновителя и героя. Стихотворения, посвященные поэту, появлялись уже в 1920-е гг.³⁶ Известным стало стихотворение поэта Й. Каинара «Есенин» (сб. «Чешский сон» / *“Český sen”*, 1953). Ниже приводим его полностью:

³³ О многоплановом творчестве Забраны, в том числе о влиянии на него русской литературы, см. коллективную монографию: Jan Zábrana: básník, překladatel, čtenář / ed. E. Kalivodová, P. Eliáš. Praha: Karolinum, 2018. 326 s.

³⁴ *Zábrana J. Básně. Praha: Mladá fronta; Torst, 1993. S. 150.*

³⁵ Подстрочный перевод с чешского здесь и далее наш. — А.А.

³⁶ См., например: *Bergmannová K. Sergěji Jeseninovi // Tvorba. 09.02.1929. Roč. 4, č. 5. S. 68.*

Zas hoří jeřáby do krve,
daleký ohník
tence k nebi dýmá.
V podzimních polích bolestných
málem bych, málem
potkal Jesenina.

Měl světlou kadeř do očí,
měl oči světlé jako líh,
a vypadal, v té chuligánské čapce,
jak by ten smutek na polích,
ta únava, ta krása poraněná,
jak by to všechno byla jeho práce.

Kdy jsem ho vídal naposled!
Daleký ohník vyšlehl
a pálí.
Z daleka hledí dívčí tvář.
My podle knížky veršů jsme se milovali,
s falešnou falší,

s krutou melancholií,
a samé “nechápeš”,
a samé “ne” a “snad”, —
když herci mladinci se textem opijí,
je líp se nedívat.

Špatný byl konec obluzené lásky.
Opravdu zlý,
a z veršů nevyčtený.
Snad se znelíbila životu
a zemi.

A do dneška,
když ohník v polích dýmá,
já na smrt nerad potkávám
Sergeje Jesenina³⁷.

Снова горят рябины до крови,
далекий костерок
тонко к небу дымится.
В осенних полях горестных
чуть было, чуть
не встретил Есенина.

У него были светлые кудри до глаз,
у него были глаза светлые, как спирт,
и выглядел, в этой хулиганской кепке,
как та печаль на полях,
та усталость, та красота раненая,
словно это все было его трудом.

Когда я видел его в последний раз!
Далекий костерок взметнулся
и горит.
Издалека смотрит девичье лицо.
Мы по книге стихов любили друг друга,
с фальшивой фальшью,

с жестокой меланхолией,
и одни «ты не понимаешь»,
и одни «нет» и «возможно», —
когда актеры молоденькие от текста пьянеют,
лучше не смотреть.

Плохой был конец обманутой любви.
Действительно плохой,
и из стихов неизвестный.
Возможно, ее невзлюбила жизнь
и страна.

И по сей день,
когда костерок в полях дымится,
я до смерти не люблю встречать
Сергея Есенина.

³⁷ Kainar J. Český sen. Praha: Městská knihovna v Praze, 2020. S. 43–44.

В эпоху «нормализации» в периодических изданиях неоднократно было напечатано стихотворение о русских поэтах, в том числе и о Есенине, Вацлава Гонса «Мои друзья»:

Sergej Jesenin	Сергей Есенин,
jako řechště černé něhy	как широкий поток черной неги,
protéká regály mé knihovny	он течет по полкам моей библиотеки,
Vlévá se do tlukoucího srdce dnešního	вливается в бьющееся сердце сегодняшнего
odpoledne ³⁸	вечера

Есть и другие примеры: в антологии чешской поэзии 1976 г. выходит стихотворение Доната Шайнера «Говорю себе», где автор упоминает Есенина, рассуждая о том, каким должен быть поэт³⁹. В качестве героя Есенин появляется и в стихотворении поэта Йозефа Рыбака «Когда падают осколки звезд»⁴⁰, также неоднократно напечатанном в годы «нормализации», и т. д.

В прозе образ Есенина часто используется для описания внешности или характера героев: например, в юмористическом рассказе «Иржи» В. Петршика молодой парень, вместо того чтобы учиться, увлекся девушкой, которая дала почитать ему книгу, а его наставник, увидев, что это томик поэзии Есенина, воскликнул: «Стихи! Эта девушка тебя сделает полностью тупым! Этому конец, понял? Книгу вернешь, а с девицей перестанешь общаться, ясно?»⁴¹

Упоминание творчества Есенина может использоваться для передачи эмоционального состояния героев. К примеру, уже в 1936 г. вышел роман «Годы в круге» Ярмилы Глазаровой, которая описывает жизнь в глубокой провинции времен экономического кризиса и передает чувства печали своей героини так: «Я убегаю от отца по склону холма к вокзалу. Я о чем-то ужасно жалею, чего-то жутко стыжусь. Голоса катятся по откосу. Забыт Есенин и его стихи, осталось лишь разворoshенное гнездо шершней, в которое кто-то в бреду неосторожно ткнул пальцем»⁴².

Наиболее интересным случаем появления Есенина в художественной литературе выступает роман Иржи Навратила, опубликованный в 2000 г. под заголовком «Голубой вечер»⁴³ (его отрывки печатались в журнале «Творба» в 1976 г., а закончен он был к 1987 г.). Это роман-аллюзия о жизни поэта, не претенду-

³⁸ Hons V. Moji přátelé // Rudé právo. 10.12.1977. Č. 292. S. 5.

³⁹ Šajner D. Rikám si... // Kantáta pro dvanáct hlasů. Praha: Československý spisovatel, 1976. S. 167.

⁴⁰ Rybák J. Když padá tříšt' hvězd // Rudé právo. 20.12.1976. Č. 302. S. 5.

⁴¹ Petřík V. Jiří // Lacina J., Petřík V. Mít servis jako d'Artagnan. Praha: Olympia, 1977. S. 127.

⁴² Glazarová J. Roky v kruhu. Praha: Československý spisovatel, 1970. S. 211.

⁴³ Navrátil J. Modravý večer. Praha: Hynek, 2000. 255 s.

ющий на биографичность, но в нем содержатся и творчески переосмысляются факты о Есенине — с его скандалами, любовными приключениями, легендами и мифами. Писатель опирается на корреспонденцию и описывает краткий период возобновленной дружбы поэта (пришедшийся на последний год его жизни) с бывшим одноклассником Гришей Панфиловым — однако у этой дружбы нет перспективы, их судьбы уже слишком разные.

Отдельного изучения заслуживает влияние Есенина на чешского классика XX в. Богумила Грабала (в 1997 г. он покончил с собой, выбросившись из окна пятого этажа). Есенин неоднократно появлялся в его произведениях. Например, в рассказе «Игра за правду» (“Hra o pravdu”), где автор изображает борьбу за Правду в виде игры в пинг-понг, разыгрывающуюся в космосе, в числе прочих предстает Есенин, красивый блондин-хулиган, который на вересковой полянке зажигает свои поэтические мячики и для верности сам в себя стреляет и вешается⁴⁴. В рассказе «Волшебная флейта» (“Kouzelná flétna”) герой (альтер-эго писателя) в рассуждениях о своей профессии гордится тем, что жил, как Есенин, и задумывается о самоубийстве⁴⁵ (тот же мотив присутствует и в романе «Узлы на носовом платке»⁴⁶). В рассказе «Публичное самоубийство» (“Veřejná seberažda”) герой представляет, как видит мраморный памятник Есенину («и в руках у него цветы и гигантский голубой кот, который стережет голубую Русь, и головушку кучерявую и вечера лунные, и вечера синие, и был я когда-то молод, и все было иначе»)⁴⁷ и сравнивает судьбу Есенина со своей: «И я узнал, что он тоже был эмигрантом, эмигрантом у себя дома, что ему нельзя было выступать и читать, что его голубые русские стихи покинули библиотеки»⁴⁸.

Критические отклики на творчество Есенина начали появляться уже в начале 1920-х гг. Межвоенное двадцатилетие для Чехии было «золотой» эпохой ее истории и одновременно сложным и противоречивым периодом — получив национальную независимость в составе ЧСР и новый геополитический статус, чехи встали перед выбором дальнейшего пути развития, оказавшись под влиянием двух идеологий и политических систем — западных капиталистических демократий (в особенности США и Франции) и социалистической России. Социальная несправедливость и реальность революции разделили чешское общество на множество политических лагерей от крайне правых до радикально левых (от фашистов, националистов, традиционалистов-аграрников через либералов до разного рода социалистов и коммунистов). Их острая общественная полемика переносилась и в сферу культуры и разворачивалась на страницах периодики

⁴⁴ Hrabal B. Domáci úkoly. Praha: Mladá fronta, 1970. S. 84–85.

⁴⁵ Hrabal B. Listopadový uragán. Praha: Československý spisovatel, 1990. S. 15.

⁴⁶ Hrabal B. Kličky na kapesníku. Praha: Práce, 1990. S. 48–49.

⁴⁷ Hrabal B. Listopadový uragán. S. 35.

⁴⁸ Ibid. S. 39.

как единственного средства оперативно реагировать на события. Художественная литература на страницах газет и журналов (в том числе литературных) активно использовалась в качестве средства влияния на читательскую аудиторию, подтверждения той или иной политической позиции и инструмента пропаганды. В своих рецензиях критики порой даже не затрагивали художественных особенностей произведений, делая упор лишь на идейную позицию писателя, часто интерпретируя ее с искажением и преувеличением и тем самым приписывая авторам свои взгляды. Чем неоднозначнее и сложнее был писатель для оценки, тем более широкой была шкала критических откликов, которые акцентировали самые разные стороны творчества и иногда даже давали ему противоположную трактовку. Таким писателем стал Есенин.

В 1920-е гг. отклики на творчество Есенина появлялись в главных периодических изданиях всех политических лагерей. Умеренную националистическую позицию представлял в эти годы Франтишек Кубка (1894–1969), легионер, дипломат, писатель и критик, автор одной из первых монографий по истории советской литературы «Поэты революционной России» (1924)⁴⁹. Он стал одним из первых переводчиков Есенина (опубликованных в периодике стихотворений) и написал о нем ряд статей, рассматривая творчество поэта как проявление русского национализма (при этом скептически оценивая достижения революции): «Русская деревня осталась русской и в период интернационализма. И поэтому Есенин является поэтом русского национализма. “Тей, Россияне!” — зовет народ к великому празднику вознесения Руси. И в самых страстных последователях бунта и революции бьет национальная кровь пылкой любовью к родине. На земле, перепаханной социальным восстанием, из драконовых зубов революции вырастают мужи и идеи национализма»⁵⁰.

В либеральных, в том числе провластных, изданиях, близких в своих идеях позиции президента ЧСР Т.Г. Масарика, Есенин предстает «истинным наследником старой, разрушенной России, которую постигла всемирная катастрофа»⁵¹. В других случаях Есенина критиковали за большевизм, отмечая, что «творческий путь и смерть этого поэта являются свидетельством упаднической культуры современной России»⁵², или утверждали, что Есенин «вел идейную борьбу с советским режимом»⁵³.

Публицисты левой ориентации, прежде всего Гора, который в 1920-е гг. вел культурную рубрику газеты «Руде право», рупора компартии, связывали успех Есенина с революцией. Для Горы трагедия Есенина — это трагедия потерявшие-

⁴⁹ Kubka F. Básníci revolučního Ruska. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924. 106 s.

⁵⁰ Kubka F. Básníci v Rusku II // Venkov. Nedělní literární příloha. 26.02.1922. Roč. 17. č. 49. S. 13.

⁵¹ První krok // Cesta. 15.11.1926. Roč. 9, č. 4. S. 67.

⁵² Č. Sergej Jesenin, mladý ruský básník... // Zvon. 14.01.1926. Roč. 26, č. 18. S. 251–252.

⁵³ I. Jesenin, Sergej: O Rusku a revoluci // Česká osvěta. 1927. Roč. 23, č. 7, Březen. S. 387.

го корни крестьянина, не нашедшего дома в городе и поглощенного им; трагедия советского гражданина, страстно признающего в любви к социальной революции и все-таки не понимающего ее социальной роли⁵⁴. Другой левый критик, убежденный коммунист, писатель и публицист, а также автор книги о советской литературе «Русская революционная литература» (1924) Иржи Вайль (1900–1959) не только отводит революции большую роль в расцвете есенинского таланта, но и сами его революционные стихи оценивает выше: «Есенин сказал свое слово только с приходом революции и лучше всего о революции»⁵⁵. Схожие взгляды высказывали и другие левые публицисты межвоенной эпохи — М. Майерова, Ю. Фучик, Я. Сейферт.

Отдельную линию литературной критики о Есенине представляли публицисты-католики. К ним относится и А. Врзал (1864–1930), священник, преподаватель гимназии, переводчик с русского, который вел переписку с А.П. Чеховым, М. Горьким и В.Г. Короленко, автор монографии «Русская литература XX в.» (1926), где он дал специфическую трактовку творчества Есенина: «Прямым проявлением неприятия Есениным христианства является богохульная “Инония”, новый спаситель у него — пролетариат. Пророк Есенин в смешно кричащих гиперболах с истеричным криком революционной риторики в дерзких тирадах о революции, в отчаянном исступлении кидается на Бога, “оскалом зубов” ему “выщипывает бороду”, проклинает церковь, дьявольски богохульно “выплевывает Христово тело изо рта”. После этих лишенных надежды, беспомощных криков, уродующих светлую поэзию молодости, Есенину уже нечего было сказать, даже повторная поездка в родную деревню не спасла его от болота большого города»⁵⁶. В отказе от Бога видят главную трагедию Есенина и другие публицисты в своих статьях в католической периодике⁵⁷.

Такой разброс в оценке критиками Есенина сохраняется и в 1930-е гг. Кроме того, в этот период читателям благодаря книге М. Марчановой поэт открылся с новой стороны своей природной лирикой, а публицисты, в свою очередь, стремились определить место поэта в литературном процессе до- и пореволюционной России и стали интересоваться имажинистским этапом его творчества: В. Незвал, Ф. Кубка, Б. Матезиус, например, называют Есенина лидером и основоположником течения⁵⁸, И. Вайль видит его продолжателем традиций симво-

⁵⁴ Hora J. Úvodní slovo k Jeseninovu večeru // Rozpravy aventina. 04.11.1926. Roč. 2, č. 4. S. 43–44.

⁵⁵ Weil J. Ruská revoluční literatura. Praha: Jan Košťatka, 1924. S. 43.

⁵⁶ Vrzal A. Ruská literatura XX st. Brno: [б. и.], 1926. S. 55; или Vrzal A. Přehledné dějiny nové literatury ruské. Brno: [б. и.], 1926. S. 273.

⁵⁷ Vašica J. Případ Jeseninův // Akord. 01.03.1930. Roč. 3, č. 4. S. 137–141; Horák F.S. Ruská literatura za vlády bolševické // Lidové listy. 23.07.1922. Roč. 1, č. 165. S. 11.

⁵⁸ Nezval V. Moderní básnické směry. Praha: Dědictví Komenského, 1937. S. 129; Kubka F. Ruská literatura od roku 1900 // Dvacáté století: co dalo lidstvu / red. F. Páta, J. Páta, J. Prokeš. Díl VII.

лизм⁵⁹. В других случаях Есенина рассматривают в рамках литературы периода военного коммунизма как сельского поэта, последователя Клюева⁶⁰.

В первые годы Протектората, в тяжелейших обстоятельствах, чехи активно обращаются к русской классике, которая отвечала требованиям цензуры. В этот период И.С. Тургенева и Есенина называют любимыми русскими авторами⁶¹, критики даже говорят о культе Есенина⁶², обращаясь прежде всего к природной лирике поэта, проникнутой беззаветной любовью к Родине, указывая на трагичность и безысходность есенинской борьбы. После удавшегося покушения на чешского протектора Гейдриха культурная деятельность замерла вплоть до 1945 г.

В первые послевоенные годы выходит все, что накопилось за время цензуры Протектората — около четырех десятков публикаций о Есенине, в которых, в частности, стремятся осмыслить популярность Есенина в период национальной свободы, когда полюбили его «вечная молодость, идиллическая и революционная одновременно»⁶³. Например, Йозеф Бечка в монографии о литературе СССР пишет, что революция в первые годы своего бытования имела полное право защищаться от старорежимных элементов, каковым и был Есенин, зато сейчас, после гражданской войны и победы над фашистами, закрепившись окончательно, советская власть может по-настоящему оценить этого великого русского поэта⁶⁴.

В период с 1948 г. до середины 1950-х гг. Есенина почти не затрагивали в публикациях (кроме незначительных упоминаний), работы о нем стали выходить лишь с 1955 г. и вначале были отмечены высокой степенью тенденциозности. Центральной проблемой исследований этих лет являлось отношение Есенина к революции, в них, по сути, повторяются тезисы левых критиков 1920-х гг. о том, что поэт революции не понял, не стал ее слугой, а вместо этого сломался. Развернутым примером идеологизированной интерпретации творчества Есенина является первая монография о русском поэте И. Черниковской 1957 г.⁶⁵

В период относительно свободных 1960-х гг. оценки Есенина постепенно смягчаются, интерпретации его творчества становятся менее однозначными.

Praha: Vl. Orel, 1934. S. 172; *Mathesius B. Sergej Jesenin, člověk a maska* // Co číst z literatur slovanských posledních let / red. J. Heidenreich. Praha: František Borový, 1935. S. 73.

⁵⁹ Weil J. Ruská literatura nové doby (1917–1935) // Poznání. II. Sk. VI. Praha: Nakladatelství E. Beaufort, A.S.; Edice Elzevir, 1937. S. 15–16.

⁶⁰ Píšek F. Sovětská literatura // Sovětský svaz — umění: literatura, divadlo, výtvarnictví, film, vývoj sovětské architektury, hudba / red. Z. Nejedlý, V. Procházka, B. Šmeral, K. Teige. Praha: Pavel Prokop, 1936. S. 4.

⁶¹ Knap J. Mnozí ruští... // Lidové noviny. 10.07.1940. Roč. 48, č. 402. S. 4.

⁶² Janů J. Náš básnický jazyk v zrcadle překladů // Národní listy. 24.11.1940. Roč. 80, č. 321. S. 11; Knap J. Jeseninova Modrává Rus // Venkov. 09.08.1940. Roč. 35, č. 185. S. 6.

⁶³ rk Překlady ze slovanské poesie // Čin. 05.03.1948. Roč. 4, č. 55. S. 5.

⁶⁴ Bečka J. Vývoj ruské literatury v SSSR. Turnov: Dělnická akademie v Turnově, 1946. S. 12.

⁶⁵ Černikovská J. Sergej Jesenin. Praha: Orbis, 1957. 58 s.

Либерализация культуры привела к разнообразию оценок русского поэта, все сильнее критики и исследователи стали акцентировать «авангардную» сторону его творчества, делая упор прежде всего на имажинистский этап в ущерб остальным⁶⁶ или рассматривая поэзию Есенина в контексте русского экспрессионизма⁶⁷.

После событий 1968 г., в эпоху «нормализации» до «бархатной» революции, чешская культура была представлена двумя пластами — официальной (разрешенной) и неофициальной (самиздат, литература эмиграции и пр.). Есенин оказался в первом и стал одним из столпов русской литературы для чешской культуры того времени, он воспринимается уже как классик и как символ победившей фашистов России⁶⁸, его имя повсеместно упоминается в периодике как в серьезных изданиях по культуре и искусству, так и в массовой печати⁶⁹.

После смены политической системы и перестройки общества переводчики, издатели и критики продолжают обращаться к Есенину, несмотря на то что интерес к русской литературе в целом значительно снизился. С одной стороны, в отношении к Есенину литературная критика освободилась от идеологических штампов прошлого, однако появилась ярко выраженная тенденция представлять Есенина жертвой советского режима — например, в книге переводов Данека в предисловии утверждалось (с опорой на книгу следователя Э.А. Хлысталова), что самоубийство было подстроено властями⁷⁰. Критики также рассматривали

⁶⁶ См., например: *Arnautová M. Poezie "vnitřního obrazu" světa a ryzi básnické imaginace // Současná sovětská literatura II. Ruská poezie. Brno: Světovět, 1964. S. 55.*

⁶⁷ *Milota K. Jesenin moderní // Literární noviny. 02.10.1965. Roč. 14, č. 40. S. 8.*

⁶⁸ См., например, характерную публикацию в главном литературном журнале того времени «Творба»: *Bergrová Z. Jesenin se stává klasikem // Tvorba. 01.10.1975. č. 40. S. 8.*

⁶⁹ Подробные обзоры по каждому периоду восприятия Есенина в Чехии см. в статьях: Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина чешской критикой 1920-х гг. в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха: сб. науч. тр. [Ч. I] / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2016. С. 516–526. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 4); Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии в 1930-е гг. // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха: сб. науч. тр. Ч. II / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2017. С. 104–114. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 5); Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии в 1940–1950-е годы // Современное есениноведение. 2018. № 2 (45). С. 19–24; Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии во второй половине 1950-х – 1960-е годы // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2020. С. 250–266. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 7); Амелина А.В. Восприятие Есенина в Чехии в 1950–1980-е гг. // Сергей Есенин в контексте эпохи / отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 584–604. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0672-7-582-602>

⁷⁰ *Daněk V. Nad rozbitým zrcadlem Sergeje Jesenina // Jesenin S. Rozbité zrcadlo. Praha: Akropolis, 2007. S. 152–153.*

Есенина в контексте проблемы самоубийств чешских писателей (в частности, упомянутого выше поэта Й. Каинара)⁷¹ и влияния его на их творчество (например, на поэтессу О. Новотную)⁷². В более неприятной прессе указывали на то, что лучшие произведения поэт писал в состоянии алкогольного опьянения⁷³.

Отметим также, что к юбилеям Есенина Российским центром науки и культуры проводились в разные годы различные мероприятия. В 1995 г. была проведена конференция, посвященная поэтике творчества и переводам Есенина, в прессе писали, что на нее приняли приглашение в том числе внучка и племянница Й. Горы⁷⁴. В 2005 г. в Праге открылась передвижная выставка «Сергей Есенин и Айседора Дункан. Эпоха. Судьба. Творчество», а в 2018 г. в Центре — выставка «Мой край, задумчивый и нежный...», посвященная жизни и творчеству Есенина.

«Отмена» русской культуры (после начала СВО в феврале 2022 г.) в Чехии проводится на государственном уровне, это проявилось и в попытках дискредитировать Есенина для чешских читателей через СМИ. Так, например, на одном из основных чешских новостных порталов (с ТВ-каналом) в мае 2022 г. был частично и с искажением опубликован написанный в саркастическом тоне материал 100-летней давности (с аудиосопровождением и видеороликом)⁷⁵ из националистической газеты «Народни листы», где Есенин представлен в негативном свете и описывался скандал, случившийся в берлинском Доме искусства 12 мая 1922 г.: там на встрече литераторов с подачи А. Дункан начали петь «Интернационал», а поэт вскочил на стол и стал кричать, что он здесь как дома, и т. д.⁷⁶.

Проблематика Есенина в Чехии не исчерпывается рассмотренными в данной работе явлениями, за ее границами остались театральные, телевизионные и радиопостановки о поэте и по мотивам его творчества⁷⁷, а также его влияние на

⁷¹ *Uhde M.* Vrt do sebevraždy // *Tvar*. 02.06.2016. Č. 11. S. 24.

⁷² *Březinová D.* V pěti letech básnička Olga Novotná napsala epitař, umřelo ji kuřátko // *Deník.cz*. 02.03.2014. URL: <https://www.denik.cz/liberecky-kraj/v-peti-letech-napsala-epitař-umřelo-jí-kurátko-20140228-zakg.html> (дата обращения: 10.02.2024).

⁷³ *Mucha L.* Bohém s duší romantika. Ruský básník Sergej Jesenin psal nejlepší verše v alkoholovém opojení // *Náš region*. 16.12.2019. URL: <https://nasregion.cz/bohem-s-dusi-romantika-ruský-basnik-sergej-jesenin-psal-nejlepsi-verse-v-alkoholovem-opojeni-144394> (дата обращения: 10.02.2024).

⁷⁴ *Vacková J.* Když se překlady poezie ideologizují...

⁷⁵ *Hejma A.* Provokátér Jesenin. Básník si před 100 lety nechal v Německu zahrát Internacionálu // *iDnes.cz*. 13.05.2022. URL: https://www.idnes.cz/technet/pred-100-lety/provokater-jesenin-basnik-si-pred-100-lety-nechal-v-nemecku-zahrat-internacionalu.A220512_144949_pred-100-lety_vov (дата обращения: 10.02.2025).

⁷⁶ Č. Květy němesko-sovětského přátelství // *Národní listy*. 16.05.1922. Roč. 62, č. 133. S. 1.

⁷⁷ В 1920-е гг. известно о деятельности чешской «Синей блузы», которая ставила «Песнь о великом походе», а в 1930-е гг. — о спектакле о Есенине («Танцующий сапфир. Пьеса о судьбе человека в толпе в 9 явлениях»: премьера в Сословном театре 6 сентября 1936 г., написана в 1933 г., поставил Войта Новак, написал драматург Эрвин Нойман); в эпоху «нор-

чешскую музыкальную культуру и другие виды искусства. Интерес представляет и вопрос представления русского поэта в учебной (для средних школ и вузов), справочной и научной (нефилологической) литературе.

Список литературы

1. Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина чешской критикой 1920-х гг. в контексте многообразия ее политических взглядов // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов [Ч. I] / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2016. С. 516–526. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 4)
2. Амелина А.В. Восприятие Есенина в Чехии в 1950–1980-е гг. // Сергей Есенин в контексте эпохи / отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 584–604. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0672-7-582-602>
3. Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии во второй половине 1950-х – 1960-е годы // Сергей Есенин в контексте русской и мировой литературы / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2020. С. 250–266. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 7)
4. Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии в 1930-е гг. // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов. Ч. II / отв. ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева; ред.-сост. М.В. Скороходов. М.; Константиново; Рязань: Изд-во Гос. музея-заповедника С.А. Есенина, 2017. С. 104–114. (Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 5)
5. Амелина А.В. Восприятие С.А. Есенина в Чехии в 1940–1950-е годы // Современное есениноведение. 2018. № 2 (45). С. 19–24.
6. Рихтерек О. К современной чешской интерпретации эпической поэзии С. Есенина // Alexandr Veselovskij a dnešek. Litteraria humanitas. VI. Brno: Masarykova univerzita, 1998. S. 280–288.
7. Шевцова Н. Творчество С. Есенина в чехословацкой критике 20–30-х гг. // Пути к друзьям. Из истории чешско-словацко-русских и -советских литературных и культурных контактов / red. E. Fojtíková. Praha: Lidové nakladatelství, 1986. С. 237–244.
8. Arnaudová M. Poezie “vnitřního obrazu” světa a ryzí básnické imaginace // Současná sovětská literatura II. Ruská poezie. Brno: Svět sovětů, 1964. S. 49–59.
9. Bečka J. Vývoj ruské literatury v SSSR. Turnov: Dělnická akademie v Turnově, 1946. 31 s.
10. Bergrová Z. Jesenin se stává klasikem // Tvorba. 01.10.1975. č. 40. S. 8.
11. bhk. Překlady z ruštiny // Země sovětů. 1931. Roč. 1, č. 3, září 1931. S. 45.
12. Březinová D. V pěti letech básnířka Olga Novotná napsala epitař, umřelo jí kuřátko // Deník.cz. 02.03.2014. URL: <https://www.denik.cz/liberecky-kraj/v-peti-letech-napsala-epitař-umřelo-jí-kuřátko-20140228-zakg.html> (дата обращения: 10.02.2024).
13. Č. Květy němesko-sovětského přátelství // Národní listy. 16.05.1922. Roč. 62, č. 133. S. 1.
14. Č. Sergej Jesenin, mladý ruský básník... // Zvon. 14.01.1926. Roč. 26, č. 18. S. 251–252.

мализации» есть сведения о телевизионной постановке «Анны Снегиной» (1970), о спектакле в Национальном театре «Дорога дорог между двумя океанами» (1974, авангардное представление с участием главных советских поэтов, в том числе и Есенина), о постановке «Пугачева» в Реалистическом театре Праги З. Неядлы (режиссер — И. Писториус, 1978); в 2014 г. в журнале «Твар» (№ 14. S. 14) рассказывается о вечере (23.06), где декламировался Есенин на представлении Творческой группы в пражском клубе «Нод», и т. д.

15. Černíková J. Sergej Jesenin. Praha: Orbis, 1957. 58 s.
16. Daněk V. Nad rozbitým zrcadlem Sergeje Jesenina // *Jesenin S. Rozbité zrcadlo*. Praha: Akropolis, 2007. S. 144–156.
17. fxs. [Šalda F.X.] S. Jesenin: O Rusku a revoluci // *Tvorba*. 02.1927. Roč. 2, č. 2. S. 66–68.
18. Hejma A. Provokátér Jesenin. Básník si před 100 lety nechal v Německu zahrát Internacionálu // *iDnes.cz*. 13.05.2022. URL: https://www.idnes.cz/technet/pred-100-lety/provokater-jesenin-basnik-si-pred-100-lety-nechal-v-nemecku-zahrat-internacionalu.A220512_144949_pred-100-lety_vov (дата обращения: 10.02.2025).
19. Hora J. Úvodní slovo k Jeseninovu večeru // *Rozpravy aventina*. 04.11.1926. Roč. 2, č. 4. S. 43–44.
20. Horák F.S. Ruská literatura za vlády bolševické // *Lidové listy*. 23.07.1922. Roč. 1, č. 165. S. 11.
21. Jan Zábřana: básník, překladatel, čtenář / ed. E. Kalivodová, P. Eliáš. Praha: Karolinum, 2018. 326 s.
22. Janů J. Náš básnický jazyk v zrcadle překladů // *Národní listy*. 24.11.1940. Roč. 80, č. 321. S. 11.
23. Jiša J. Jesenin a cesta Josefa Hory // *Slovesná věda*. 01.04.1950. Roč. 3, č. 1. S. 19–25.
24. Jiša J. Jesenin v českém literárním prostředí // *Sergej Jesenin v české literatuře. Bibliografie do roku 1972* / sest. B. Florianová. Praha: Státní knihovna ČSR; Slovanská knihovna, 1974. S. 1–12.
25. Jiša J. Poslední básník ruské vesnice // *Praha-Moskva*. 02.1956. Č. 2. S. 169–181.
26. Knap J. Jeseninova Modrává Rus // *Venkov*. 09.08.1940. Roč. 35, č. 185. S. 6.
27. Knap J. Mnozí ruští... // *Lidové noviny*. 10.07.1940. Roč. 48, č. 402. S. 4.
28. Kubka F. Básníci revolučního Ruska. Praha: Ot. Štorch-Marien, 1924. 106 s.
29. Kubka F. Básníci v Rusku II // *Venkov. Nedělní literární příloha*. 26.02.1922. Roč. 17, č. 49. S. 13.
30. Kubka F. Ruská literatura od roku 1900 // *Dvacáté století: co dalo lidstvu* / red. F. Páta, J. Páta, J. Prokeš. Díl VII. Praha: Vl. Orel, 1934. S. 161–182.
31. I. Jesenin, Sergej: O Rusku a revoluci // *Česká osvěta*. 1927. Roč. 23, č. 7. Březen. S. 387.
32. Mathesius B. Sergej Jesenin, člověk a maska // *Co číst z literatur slovanských posledních let* / red. J. Heidenreich. Praha: František Borový, 1935. S. 71–74.
33. Milota K. Jesenin moderní // *Literární noviny*. 02.10.1965. Roč. 14, č. 40. S. 8.
34. Mucha L. Bohém s duší romantika. Ruský básník Sergej Jesenin psal nejlepší verše v alkoholovém opojení // *Náš region*. 16.12.2019. URL: <https://nasregion.cz/bohem-s-dusi-romantika-rusky-basnik-sergej-jesenin-psal-nejlepsi-verse-v-alkoholovem-opojeni-144394> (дата обращения: 10.02.2024).
35. Nezval V. Moderní básnické směry. Praha: Dědictví Komenského, 1937. 284 s.
36. Pistorius J. Doba a slovesnost. Praha: Triáda, 2007. 667 s.
37. Pišek F. Sovětská literatura // *Sovětský svaz — umění: literatura, divadlo, výtvarnictví, film, vývoj sovětské architektury, hudba* / red. Z. Nejedlý, V. Procházka, B. Šmeral, K. Teige. Praha: Pavel Prokop, 1936. S. 3–79.
38. První krok // *Cesta*. 15.11.1926. Roč. 9, č. 4. S. 67.
39. Pytlík R. Koridor smrti // *Obrys kmen*. 2014. Č. 13. S. 1, 3.
40. Richterek O. Dialog kultur v uměleckém překladu. Hradec Králové: Mafy a gaudeamus, 1999. S. 80–128.
41. rk Překlady ze slovanské poesie // *Čin*. 05.03.1948. Roč. 4, č. 55. S. 5.
42. Rubáš S. České překlady Jesenina a sovětská ideologie // *Acta Universitatis Carolinae. Philologica*. 2019. Č. 1. S. 37–47.
43. Staněk J. Jesenin, Sergěj Aleksandrovič: Básně // *Česká osvěta*. 1931–1932. Roč. 28, č. 6. S. 274.
44. Uhde M. Vrt do sebevraždy // *Tvar*. 02.06.2016. Č. 11. S. 24.
45. Uličná O. “Černý muž” Sergeje Jesenina v českých překladech // *Východoevropská moderna a její evropský kontext I*. Praha: Karolinum, 1999. S. 91–106.
46. Uličná O. Jesenin v novém českém překladu // *Československá rusistika*. 1984. Roč. 29, č. 5. S. 208–210.

47. *Uličná O.* Poezie Sereje Jesenina v českých překladech // Sborník 1986 Kruhu přátel českého jazyka / red. J. Pechar. Praha: SdK ROH Melantrich, 1986. S. 107–120.
48. *us. Sejgej Jesenin:* Modravá Rus // Literární noviny. 1940. Roč. 13, č. 6. S. 143.
49. *Vacková J.* Když se překlady poezie ideologizují, ztrácejí na hodnotě // Halo noviny. 04.10.1995. S. 8.
50. *Václavěk B.* Nové překlady z ruské literatury I // *Václavěk B.* Ruská revoluce a literatura. Praha: Lidové nakladatelství, 1980. S. 168–169.
51. *Vašica J.* Případ Jeseninův // Akord. 01.03.1930. Roč. 3, č. 4. S. 137–141.
52. *Vinter V.* K novému překladu veršů Sergeje Jesenina // Tvar. 15.06.1995. Č. 12. S. 22–23.
53. *Vrzal A.* Přehledné dějiny nové literatury ruské. Brno: [6. i.], 1926. 284 s.
54. *Vrzal A.* Ruská literatura XX st. Brno: [6. i.], 1926. 63 s.
55. *Weil J.* Ruská literatura nové doby (1917–1935) // Poznání. II. Sk. VI. Praha: Nakladatelství E. Beaufort, A.S.; Edice Elzevir, 1937. S. 1–33.
56. *Weil J.* Ruská revoluční literatura. Praha: Jan Košťatka, 1924. 66 s.
57. *Zábrana J.* Básnická povídka o lásce a revoluci // *Jesenin S.* Anna Sněgina. Praha: Odeon, 1972. S. 55–64.
58. *Zábrana J.* Poznámka k výboru a překladu // *Jesenin S.* Oheň jeřabin. Praha: Mladá fronta, 1975. S. 119–122.
59. *Zábranová M.* "Jesenina dostal Zábrana"? // Rozhlas. 25.10.2004. Č. 45. S. 2.